

30.01.98

Демидова Алла

Фигура умолчания

Русский телеграф, -1998, - 30 янв. - с. 9

Новый перформанс Аллы Демидовой под названием «Встреча с критиками» прошел в Доме актёра

Демидову все знают и никто не видит. Порой мы слышим о ее триумфе в Колумбии или Лагландии, порой — редко-редко — она рассказывает о своих зарубежных успехах сама, и интонации Аркадиной («Как меня принимали в Торжке!») прорываются сквозь выверенную надмирность ее тона. Иногда — с периодичностью, неподвластной расчетам, — ее фантомное существование на сцене современного искусства разрешается своеобразными моноспектаклями для избранных. В этом жанре было поставлено и ее недавнее явление в Голубой гостиной Дома актёра.

Это не была банальная пресс-конференция — как можно! Пресс-конференция встроены в машину буржуазной культуры, целиком основанной на promotion и publicity. Демидова же хранит верность имиджу самой интеллигентной актрисы СССР и на такие мелочи, как представление очередного проекта или рассказ о творческих планах, не тратится. Ее беседа с профессионально озбоченной общественностью возникает из ничего и сводится к ничему. В Голубой гостиной мы узнали много полезного и приятного о жизни и творчестве Хайнера Мюллера, о состоянии дел в современной русской литературе, о взглядах Демидовой на мировой театральный процесс и свое место в нем. Анекдоты и краткие эпюды на темы «Федры» приятно оживляли этот скромный пир духа.

Постоянным рефреном шла фраза, которую Демидова не устает повторять с тех пор, как покинула пределы Таганки: «Я не люблю играть». Стоит, пожалуй, осмыслить раздражение, которое неизбежно вызывает этот нехитрый слоган у всякого здравомыслящего театралла.

Вообще-то, стратегия поведения в стиле «Нате!» не нова. Она широко осваивается уже полных два столетия. Как только деятели театра на заре романтизма поверили, что «новые формы нужны», так они сразу и принялись эти формы создавать, предварительно расчищая площадку для художественного эксперимента. С тех пор разнообразные -измы ведут перманентную войну с традицией, уничтожая ее и в теории и на практике. Что и называется «художественный процесс». Понятно, что идейно выдержанное, правильное «нежелание играть» отнюдь не отменяет необходимости ежевечерне выходить на сцену, по мере сил предъявляя публике некие новые возможности игры. Но Демидова этим нас не балует. Ясно, что подобные заявления предполагают многословные трактаты и бойкие манифесты с обильными цитатами из Батая, Достоевского и Дионисия Ареопагита (на языке оригинала). Но Демидова пишет вполне традиционные тексты с томными названиями, тонко подмеченными деталями и высокомерно ностальгической интонацией павшего ангела. И самое главное, этот отказ от традиционного театра предполагает — по крайней мере к

этому нас приучили Арто и Гротовский — решительный нонконформизм и вызывающее бесщепетничество. Так что продолжение коронной демидовской реплики — «я играю только, чтобы свести концы с концами» — звучит как гром среди ясного неба.

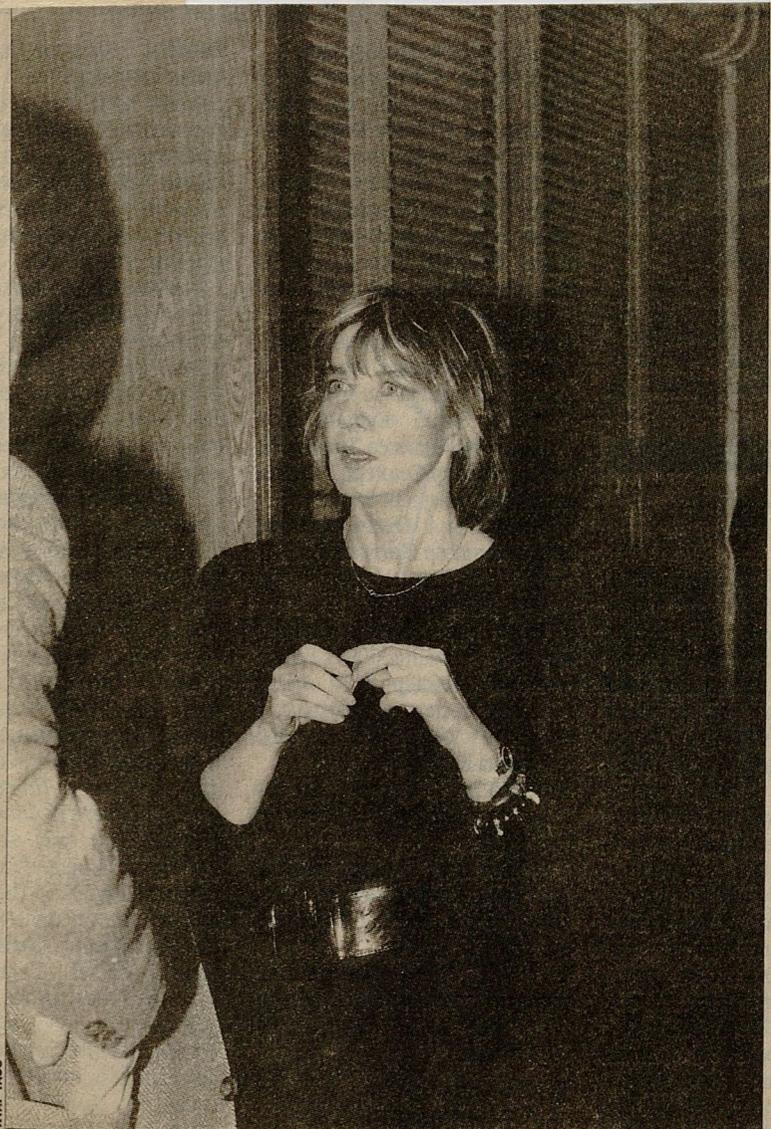
Это шокирующее сочетание надмирности и расчетливости отражает реальный смысл демидовской позы. Суровая логика экономической ситуации ставит мастеров культуры перед выбором — или неустанный труд на благо общества с оплатой по результату или уклонение от общественно полезной деятельности, застывание в статусе гуру и молчание, полное тайн. Конечно, каждый делает свой выбор по зову сердца, и в искренности Демидовой сомневаться не приходится. Однако печальный парадокс заключается в том, что любая позиция с течением времени превращается в позу, а лицо — в имидж. Загадочные паузы тоже находят спрос на рынке актерских повадок, пожизненное «остранение» начинает высоко котироваться на фоне оживленной торговли собой, которую ведут коллеги по театральному цеху. Поле виртуального творчества, на котором в последнее десятилетие пасутся многие деятели увядающей культуры, будет зеленеть еще долго — пока благодарная память о былых заслугах будет приносить свои дивиденды.

«Руки Демидовой... — руки, обнимающие пустоту и ищущие опору в бездне.» — писал четверть века назад вос-

торженный критик о ее Гертруде. С тех пор Демидова породнилась с пустотой, сделал ее главным содержанием своей жизни в искусстве. Этот тип творчества, балансирующий над бездной — только не мудрости, а безделья, удачно сочетающий нарциссизм — профессиональное заболевание рабов Мельпомены — с некоторым запасом знаний и любовью к книге — их источнику, служит естественным противовесом простодушному шоу-бизнесу и кое-как охраняет последние бастионы культуры, привычной стране всеобщего среднего образования.

Когда Демидова еще была актрисой, ей лучше всего удавались паузы: критики с упоением читывали свои сюжеты в суховатый очерк ее лица. Взяв однажды паузу в общении со зрителем — таким неумным, таким непросвещенным, — она будет держать ее, пока хватит сил. Отступать ей некуда. Ведь как бы ни раздражало Демидову положение дел на рынке актерского труда, ее собственный стиль расценивается по тем же тарифам. Как бы ни пыталась она вырваться из стальных объятий конъюнктуры, она повязана с ней на всю жизнь. Призрачное существование Демидовой не менее важно для сегодняшнего театра, чем бурная деятельность Абдулова или Полищук. Ее уход со сцены — жест не менее ясный и не менее прибыльный, чем выход на свет рампы.

Виктория НИКИФОРОВА

ИТАР-ТАСС

«Демидова? А разве она существует?» (из разговора с непросвещенным театралом)